

В пятую книгу серии «Славянофильский архив», выпускаемой Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН, включена длившаяся почти четверть века (с 1861 по 1885 г.) переписка яркого мыслителя-славянофила И.С. Аксакова и хозяйки московского салона Е.А. Свербеевой. До сих пор про их эпистолярное общение почти ничего не было известно (с. 35), хотя небольшие фрагменты из написанного Аксаковым всё же публиковались. Здесь же собрано более ста их писем друг другу, дополненных посланиями Екатерины Александровны к А.П. Елагинной и текстами некоторых корреспондентов Ивана Сергеевича. Основная часть данного тома разделена по годам на 10 неравных периодов (1861, 1862, 1864–1874, 1876, 1877, 1878, 1879–1881, 1882, 1883, 1884–1885 гг.), и каждую из них предваряет краткое описание основных событий, происходивших в то время в жизни Аксаковых и Свербеевых. Эту научную публикацию с подробными комментариями подготовила доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского университета Т.Ф. Пирожкова, уже давно изучающая творчество Аксакова. Историки хорошо знают и ценят подготовленные ею к публикации в «Литературных памятниках» письма Аксакова к родным¹. Участвовала она и в издании его переписки с Ю.Ф. Са-

мариным, вышедшей в третьей книге «Славянофильского архива»².

В обширной вступительной статье помимо биографических сведений о Свербеевой, которой ранее исследователи не уделяли внимания (с. 37), рассказывается и о её салоне, где с 1830-х до конца 1840-х гг. западники и славянофилы по пятницам собирались и спорили, покуда окончательно не рассорились и не утомили хозяев (с. 15–17). С 1850 г. вместо высокоинтеллектуальных собраний у Свербеевых стали устраивать балы. К тому же, если раньше салон являлся общим детищем супругов, то теперь их интересы начали расходиться: Дмитрий Николаевич, отставной чиновник Московского архива МИД, всё больше занимался своим подмосковным имением, практически не покидал Серпуховский уезд и даже некоторое время служил там предводителем дворянства, тогда как его жена, оставшись в Москве, по словам Пирожковой, «пыталась сохранить остатки славянофильского окружения» (с. 17) и «поддерживала все журнально-издательские начинания славянофилов» (с. 28).

Неудивительно, что 14 октября 1861 г. Свербеева поздравила Аксакова с выходом первого номера его газеты «День». Ободряя начинающего публициста, она, в частности, сообщила ему, что скончавшийся осенью 1860 г. А.С. Хомяков сказал ей

* Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885) / Публ. Т.Ф. Пирожковой. СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2022. 464 с., ил. (Славянофильский архив. Кн. V).

во время последней встречи: «Одному Ивану Сергеевичу дал бы я своё имя» (с. 45). С этого и началась их переписка. Впоследствии Екатерина Александровна не раз с сочувствием отзывалась о выступлениях Аксакова в печати. Тот благодарил за добрые слова и поддержку, иронизировал над придирчивостью цензуры (с. 47–48), полемизировал с Д.Н. Свербеевым, резко осуждавшим то, как в московских газетах освещалось положение Западного края и отношения России и Русской Церкви с восточными патриархами³.

Довольно ярко в переписке и комментариях к ней отражены обстоятельства высылки Аксакова в июле 1878 г. во Владимирскую губ. (за публичную критику действий российской дипломатии на Берлинском конгрессе) и его возвращения через несколько месяцев в Москву (с. 72–93, 213–229). Характерно, что уже в октябре у осведомлённых москвичей «сложилось общее мнение» о скором прощении зарвавшегося славянофила (с. 90). В конце ноября, когда Александр II проезжал через Москву, возвращаясь из Ливадии в Петербург, московский генерал-губернатор кн. В.А. Долгоруков будто бы доложил, что Аксаков «сидит тихо», и царь сменил гнев на милость (с. 284). Князь поспешил поделиться новостью с кн. Н.Б. Трубецкой, которая сразу же поняла: «Это было мне сказано не по секрету, а наоборот, с видимым желанием, чтобы я передавала друзьям Ивана Сергеевича» (с. 229). Несколько дней спустя владимирский губернатор известил ссыльного о высочайшем дозволении вернуться в Москву без «требований каких-либо обязательств и обещаний» (с. 93).

В конце июля 1880 г. Аксаков расхваливал «благоприятные перемены в центральном управлении» и утверждал, что благодаря гр. М.Т. Лорис-

Меликову, руководившему тогда Верховной распорядительной комиссией, и новому начальнику Главного управления по делам печати МВД Н.С. Абазе «свобода печати теперь замечательная, как никогда не бывала». Ему казалось, что «острый характер общественного положения миновал, и период деятельного нигилизма едва ли уж не пережит» (с. 107). Видимо, «друзья Ивана Сергеевича» не скрывали подобные отзывы, и через полтора месяца он получил при содействии гр. Лорис-Меликова, ставшего министром внутренних дел, разрешение издавать газету «Русь».

В начале нового царствования Аксаков, по наблюдениям К.Н. Леонтьева, служившего тогда в Московском цензурном комитете, придерживался в «Руси» принципа: «Самодержавный царь и земство — больше ничего, или почти ничего». А «всё посредствующее», включая «всю или почти всю администрацию», непременно «должно исчезнуть» или «атрофироваться»⁴. Между тем с января 1882 г. славянофил скорбел: «Петербург в восторге, что “на прежняя возвратился”... и можно забыть все уроки судьбы» (с. 112). Отставку («падение») министра внутренних дел гр. Н.П. Игнатьева Иван Сергеевич воспринял как собственное поражение, видимо, догадываясь или зная о её связи с отказом императора от славянофильской идеи созыва Земского собора. Об этом, правда, в письмах к Свербеевой речи не шло. «Победу» же одержали обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (по словам Аксакова, ставший ему «совершенным врагом» и опасающийся «вторжения в сферу власти всего живого», редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков и даже почему-то министр народного просвещения И.Д. Делянов. Более того, он полагал, что «тут, конечно, много помогли евреи и заграничная интрига».

В «несостоятельности» возглавлявшего МВД гр. Д.А. Толстого публицист не сомневался, но допускал, что тому удастся продержаться «несколько лет» (гр. Игнатъев ожидал очередных перемен «через несколько месяцев»), поскольку «отсутствие предприимчивого почина совершенно по нраву личному характеру нашей власти» (с. 115).

Несмотря на это, Иван Сергеевич, похоже, не терял надежды на появление у престола человека, который мог бы «сделаться центром русского направления», «никаких милостей не искал», «безбоязненно проповедовал свои убеждения». Таким ему представлялся, в частности, скончавшийся 25 июня 1882 г. М.Д. Скобелев. Собираясь Сербеевой о смерти генерала, Аксаков отмечал, что «потеря Скобелева пока не вознагражима». При этом московский публицист был почему-то уверен, будто Михаил Дмитриевич «имел свободный доступ к государю (которого очень любил), всё ему сообщал и постоянно писал» (с. 117). В комментариях к данному письму Пирожкова даёт более взвешенную и точную оценку как личных качеств Скобелева, так и его весьма напряжённых отношений с Александром III (с. 315). Однако издателю «Руси» явно хотелось верить собственным грёзам. Жалуясь в начале 1884 г. на несознательность русской публики, никак не реагирующей на его обличения, Иван Сергеевич только ворчал: «Дрянное общество, нужно его перевоспитывать!» (с. 134). Судя по всему, подобная задача казалась ему вполне посильной.

Свои суждения о внешней политике Аксаков высказывал в письмах весьма осторожно. Временно приостановив выпуск газеты, он переехал весной 1885 г. в Ялту и с сожалением смотрел «на это море, которое должно быть совсем русским и которым мы так преступно пренебрегли последние

20 лет», и «на этот юг, где после смерти князя М.С. Воронцова не было и нет хозяина с государственным умом». Застарелая неприязнь к петровской империи прорывалась в словах о том, что «не на Балтике, а здесь, в настоящее время, должен бы быть центр тяжести государственного правления — тогда бы и восточный вопрос решён был иначе, и не было бы настоящей возни с англичанами!» (с. 145). Аксаков надеялся, что эта «возня», вылившаяся в столкновение на Кушке, не приведёт к войне с Англией, которая неизбежно стала бы «общевропейской» и одновременно заставила бы Россию «непрерывно идти в Индию и там потрясти до самых оснований английское могущество». Приходилось признать, что к такому конфликту «мы не готовы», и хвалить сдержанность Александра III: «Честь и слава твёрдости государя, и тем более, что в настоящем случае нельзя сказать, чтоб печать и общественное мнение руководили им и оказывали на него сильное давление». Однако и в этот раз мысль о том, что «история не ждёт, пока мы станем исправны, у неё своя логика», воинственного журналиста не покидала. Во всяком случае, он был «готов» и знал, что ему делать: «Если война начнётся, я возобновлю “Русь”» (с. 146).

35 писем Сербеевой к Елагиной 1858–1875 гг. удачно дополняют основную часть публикации и позволяют лучше понять взгляды корреспондентки Аксакова. Так, весной 1864 г. она явно не сочувствовала русской политике в Царстве Польском и осуждала решение А.И. Кошелёва занять видный административный пост в Варшаве (с. 175). Не менее любопытны и письма, полученные Аксаковым от разных лиц во время его варваринской ссылки. К примеру, кн. Трубецкая сообщала ему о разговоре с гр. Игнатъевым, отдыхавшим

летом 1878 г. в своём киевском имении, о перевозке войск к австрийской границе и слухах о «какой-то тайной экспедиции» в Туркестане (с. 216). Профессор Петербургского университета В.И. Ламанский делился своими политическими прогнозами, а затем, получив неожиданный запрос из Главного штаба и не зная ещё о высылке Ивана Сергеевича, просил его узнать у московских староверов об отношении к России буковинских раскольников (с. 224–225).

Комментирование столь крупного эпистолярного корпуса, естественно, требовало колоссальной работы и едва ли могло обойтись без некоторых упущений и неточностей. Так, слова Свербеевой о том, что кн. В.Ф. Одоевский «опять садится под колокол» (с. 193), сопровождаются пояснением: «Имеются в виду, по-видимому, музыкальные занятия В.Ф. Одоевского русской церковной музыкой» (с. 374). Между тем в данном случае подразумевалось «лечение посредством нагнетательного воздуха» от катара горла, которым князь страдал в конце жизни⁵. 6 августа 1871 г. Свербеева упомянула в письме к Елагиной о «цесаревне» (с. 204), т.е. о вел. кн. Марии Фёдоровне — супруге цесаревича вел. кн. Александра Александровича. В комментариях же ошибочно указано, что речь идёт о вел. кн. Марии Александровне, дочери Александра II (с. 384–385). Графы П.А. Шувалов и Н.П. Игнатьев почему-то именуются «двумя негласными помощниками министра иностранных дел князя А.М. Горчакова» (с. 391),

хотя их гораздо вернее было бы называть его соперниками. Н.Н. Обручев представлен как «начальник Главного штаба армии» (с. 398), тогда как Главный штаб представлял собой одно из «управлений» (департаментов) Военного министерства. М.С. Каханов стал председателем Особой комиссии для составления проектов местного управления (с. 306) уже после увольнения от должности товарища министра внутренних дел.

Но, разумеется, подобные мелкие недочёты не могут умалить значение фундаментальной научной публикации, являющейся важным событием в изучении интеллектуального наследия славянофилов.

Примечания

¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Публ. Т.Ф. Пирожковой. М., 1988; Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / Публ. Т.Ф. Пирожковой. М., 1994.

² Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Публ. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведова. СПб., 2016.

³ Эта полемика во многом предвосхищала споры И.С. Аксакова с К.Н. Леонтьевым и Т.И. Филипповым о «болгарской схизме» и роли фанариотов. Подробнее о них см.: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 143–185.

⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. / Сост. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. Т. 10. Кн. 2. СПб., 2017. С. 18.

⁵ Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы. К 200-летию со дня рождения / Сост. М.П. Рахманова. М., 2005. С. 183–185, 207, 292.